

Международные отношения*Правильная ссылка на статью:*

Зеленов Д.А. Особенности военно-политического курса Австрии после окончания «холодной войны» // Международные отношения. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0641.2024.2.70569 EDN: PXJWGZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70569

Особенности военно-политического курса Австрии после окончания «холодной войны»**Зеленов Дмитрий Александрович**аспирант, кафедра Зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский Государственный
Гуманитарный Университет

143900, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Фадеева, 19, кв. 7

✉ dima-zelenov17@mail.ru[Статья из рубрики "ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0641.2024.2.70569

EDN:

PXJWGZ

Дата направления статьи в редакцию:

20-04-2024

Дата публикации:

27-04-2024

Аннотация: С конца 1980-х гг. Австрия существенно меняет модель военно-политического курса, концентрируя с учётом нейтрального статуса страны усилия на деятельности в рамках профильных международных организаций, включая их военные мероприятия. В этой связи объектом исследования выступает военно-политическая модель Австрийской Республики в постбиполярную эпоху. Исходя из указанного, предметом исследования являются изменения и ключевые детерминанты военно-политической линии Альпийской Республики в конце 1980-х – начале 2020-х гг. Для раскрытия объектно-предметного поля в статье рассматриваются проблемы и способы трансформации австрийского нейтрального статуса в 1990-е – начале 2000-х гг. Вместе с тем, в статье особое внимание уделяется деятельности официальной Вены в рамках профильных международных структур в сфере безопасности (ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО),

главным образом, дипломатическим и правовым вопросам в случае первых двух, а также непосредственному участию в военных и военно-тренировочных миссиях последних. Для изучения представленного применялись историко-генетический и сравнительный методы, позволяющие проследить исторические предпосылки, а также сопоставить специфику предпринимаемых усилий страны в сфере обороны и безопасности. Научная новизна исследования состоит в применении широкого массива ранее непримененных источников на немецком языке, а также попыткой связать конкретные военно-политические шаги Австрии в целостную систему. Основными выводами статьи являются выявление мотивов и специфических особенностей трансформации австрийской политики в сфере безопасности и обороны. Её первой характеристикой является попытка сужения трактовок нейтрального статуса страны с последующим получением возможностей применения национальных вооружённых сил в урегулировании вооружённых конфликтов за пределами австрийских границ. Другим следствием стало выявление взаимозависимости и вытекающей из неё двухкомпонентной модели применения инструментов ООН, ОБСЕ, ЕС и НАТО. Первые две применяются для продвижения мирных инициатив при урегулировании региональных конфликтов, а также создания и развития правовых основ в сфере разоружения и недопущения расширения пространства вооружённой борьбы. Последние же две обеспечивают применение собственно военных средств для стабилизации обстановки в конфликтных зонах, причём с избеганием прямого применения вооружённых сил страны.

Ключевые слова:

Австрия, ЕС, НАТО, ОБСЕ, ООН, нейтралитет, предварительная конференция, военно-тренировочные миссии, KFOR, SFOR

Введение

На фоне распада СССР и крушения bipolarного миропорядка большинство «малых государств» Европы столкнулись с необходимостью системной трансформации своей модели поведения в сфере безопасности и обороны. Характерной чертой этого процесса стала создание условий для существенного наращивания их военно-политического и политico-дипломатического инструментария, позволяющего в большем масштабе участвовать в стабилизации обстановки в конфликтных государствах различных регионов мира, но при этом затратить наименьшее число ресурсов.

Одним из таких государств является Австрийская республика, последовательно увеличивающая своё военно-политическое влияние на протяжении 1990 – начале 2020-х гг. Существенным препятствием к этому стал нейтральный статус, который помимо преимуществ становления переговорным посредником весомо ограничивал военные и политические амбиции официальной Вены. В этой связи его переосмысление и новые интерпретации становились одной из наиболее приоритетных задач австрийского руководства в обозначенный период. Последнее, в свою очередь, определяло степень вовлечённости в урегулирование конфликтов и деятельность профильных международных структур в сфере безопасности и обороны, формируя тем самым контуры военно-политического курса страны на долгосрочную перспективу.

С конца 1980-х гг. в Австрийской республике был запущен процесс кардинальной перестройки форм и механизмов, применяемых в сфере обеспечения безопасности и

обороны. Главным побудительным мотивом этого шага являлся ставший прямым следствием серии «бархатных революций» в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) и последующего распада СССР демонтаж системы ОВД и СЭВ. Почему? В новых условиях Австрия переставала быть государством на линии соприкосновения двух противостоящих военных блоков, что существенно снижало заинтересованность в ней как переговорной площадке по военно-политическим вопросам. Вместе с тем, на фоне ожидавшейся на рубеже 1980-х – 1990-х гг. резкого снижения конфликтности в мире, главным образом, в Европе, Альпийская республика могла начать процесс сокращения национальных вооружённых сил (бундесхеера). Это обеспечивало высвобождение средств, которые вкупе с расширением экономического присутствия на открывшихся (и активно интернировавшихся в Евро-Атлантические структуры) рынках стран бывшей ЦВЕ, как и рынках ЕС, могли стать возможностью выхода из экономического кризиса [1, с. 169-170], наблюдавшегося в Австрии в течение всей первой половины 1980-х гг.

Отмеченные обстоятельства обуславливали необходимость поиска новой формулы реализации военно-политического курса страны, сочетающую способы наращивания возможностей в обеспечении глобальной безопасности, но одновременно позволяющей снизить затрачиваемые ресурсы. Процесс её становления характеризуется двумя ключевыми детерминантами.

Первая из них – трансформация восприятия и интерпретации нейтрального статуса страны. В годы «холодной войны» под ним предполагалась не только собственно военные, но и экономические и политические ограничения, прежде всего запрет на вступление в экономические и политические объединения с Германией в любой форме. К примеру, именно такое понимание, закреплённое в 4-й статье Государственного договора Австрии 1955 г. [2] и жестко контролируемое по исполнению со стороны СССР, обусловило отказ официальной Вены от расширения взаимодействия со странами Запада и, тем более, их интеграционными или союзовыми объединениями, в особенности Европейским экономическим сообществом.

В конце же 1980-х гг. указанные интерпретации стали сужаться, ограничиваясь сугубо военным измерением. Одно из свидетельств тому – постановление Совета министров страны 1993 г., в котором подчеркивалась не только полная поддержка создаваемой Маастрихтским договором Общей внешней политики в области безопасности и обороны (ОВПБ/ЕПБО), но(!) и фиксировались вытекающие из нейтралитета только военные обязательства при игнорировании экономических ограничений, в том числе участия в экономических войнах [3, с. 104]. Соответственно, австрийская дипломатия в целях получения поддержки потенциальных союзников «заявлявшала» процесс вступления в ЕС с изменением интерпретации нейтралитета, тем самым, своего рода, «закольцовывая» его.

Вместе с тем, официальная Вена, несмотря на весьма активные дискуссии в парламенте, инициатором которых, выступали члены Австрийской партии свободы во главе с Й. Хайдером, отказалась даже от рассмотрения в реальной повестке дня вопроса о вступлении (пусть и с оговорками о нейтралитете как изначально планировалось в случае с ЕС) в Североатлантический альянс. В чем причины этого?

Во-первых, весомую роль сыграл фактор негативного отношения населения к столь стремительному изменению принципов нейтрального курса страны. Свидетельствами тому выступают как данные социальных опросов общественного мнения, по которым существенная часть австрийского населения (например, в 1991 г. – 57 % [3, с. 105])

выступало за сохранение нейтралитета даже при отказе от вступления в Евросоюз (тем более, НАТО), так и сам референдум о вступлении в ЕС, где «за» высказалось только 66,6 % [4, с.35] населения. Последнее означает, что треть из проголосовавших была фактически «против» даже с учётом масштабной агитационной кампании, проведённой властями и апеллировавшей в том числе к факту одновременного вступления в Союз с другими странами-нейтралами (Швеция и Финляндия). В этой связи очевидно, что реальная постановка вопроса о вступлении в НАТО несла угрозу не только отрицательного ответа на референдуме, но(!) и, что важнее, «откатить» вопрос о членстве в ЕС.

Во-вторых, в отличие от Североатлантического альянса, в котором уже в предшествующие полвека была сформирована система принятия решений и функционирования, завязанная на позицию официального Вашингтона, Евросоюз только формировался как политическая и военная структура. Следовательно, австрийская дипломатия особенно с учётом тесной координации усилий с ФРГ, являвшейся «двигателем» ЕС, могла непосредственно влиять на процесс институционального оформления Общей политики в области безопасности (ОВПБ/ЕПБО) ЕС и, как следствие, более эффективно продвигать свои интересы.

Отмеченный акцент именно на ЕС позволил Альпийской республике решить и другую принципиально важную с точки зрения нейтралитета задачи – создания формальных основ для применения своих военнослужащих за пределами национальных границ. Тесно координируя свой подход по военно-политической обстановке в мире с общей позицией Брюсселя, Австрия выдвинула на первый план лозунги «солидарности» стран «коллективного Запада», официально закреплённые в первой с 1975 г. Оборонной доктрине 2001 г. [5, с. 13-14]. Принципиально важным в данном контексте стало введение в документе термина «солидаризированного соучастия», предполагавшего экстраполяцию понятия границ на всё пространство Союза. Этим шагом кабинет В. Шюсселя/Б. Ферраро-Вальднер получил официальное обоснование применения своих военнослужащих по всему периметру ЕС. Следующим этапом развития этого курса стало издание в 2003 г. доктрины ЕС «Безопасная Европа в улучшающемся мире», где официальный Брюссель выдвинул тезис о готовности ЕС взять на себя часть ответственности в обеспечении глобальной безопасности [6, р. 4]. В качестве следствия этого утверждения заявлялось о том, что основные угрозы для Евросоюза исходят извне, а бороться с ними необходимо в местах их появления, то есть за пределами границ Евросоюза. Последнее, очевидно, предполагало намерение развёртывания военно-политических механизмов ЕС, в том числе с австрийским участием, в других регионах мира. Таким образом, Альпийская республика, не нарушая Государственный договор и закон о нейтралитете 1955 г., получала легальную возможность участвовать в военных миссиях в других частях Земного шара. Одновременно официальная Вена подчеркнула и общность подхода с союзниками по ЕС, что являлось сверхважным в условиях первой волны евроскептицизма, развернувшейся в стране именно в начале 2000-х гг. и приведшей даже к санкциям против самой Австрии в рамках Союза [7, с.75].

Исходя из отмеченных трансформаций, сформировалась и вторая детерминанта австрийского подхода – резкое наращивание возможностей в рамках профильных международных структур в области безопасности, ставших фактически практическим наполнением отмеченных теоретических изменений. Реализация этого курса происходила по двум направлениям. Первое из них – участие в создании правовых контуров безопасности, реализуемое, преимущественно, через механизмы ООН и ОБСЕ.

В чём это проявилось?

Во-первых, в расположении на своей территории подразделений этих организаций, напрямую связанных со сферой обеспечения безопасности и обороны. Так, в австрийской столице были размещены штаб-квартиры Форума по сотрудничеству и безопасности (1992), Постоянного совета (1993) и Секретариата (1995) СБСЕ/ОБСЕ. В то же время в дополнение к созданному в Вене ещё в 1980 г. Третьему отделению ООН добавились Управление по космическому пространству (1993) и Отделение Управления по разоружению (ЮНОДА/UNODA) Организации в 2011 г. В чём значимость этих структур? С одной стороны, Австрия получала возможность участвовать в процессе столь принципиального ещё с момента образования страны разоружения, недопущения милитаризации и, что важнее, процессе выработки правовых основ использования новых сфер в случае с космосом. С другой стороны, это участие предполагало не только лоббирование своих интересов, что представлялось важным для поддержания образа государства-миротворца, но(!) и осуществление непосредственного контроля (через Секретариат ОБСЕ и Управления ООН) исполнения достигнутых соглашений и, как следствие, внесение «точечных» корректив в этот процесс «на месте». Последнее, думается, выступало в качестве своеобразной компенсации за весьма невысокую роль австрийской дипломатии в самом процессе принятия ключевых решений по наиболее важным в военно-политической области вопросам.

Во-вторых, Альпийская республика через эти организации стала весьма активно поддерживать и продвигать миротворческие инициативы в урегулировании региональных (тяготеющих к глобальным) конфликтам. Применительно к ООН это вылилось, в основном, в поддержке посреднических и антиядерных инициатив. Так, именно Австрия была одним из главных лоббистов среди «малых» стран - нейтралов процесса подписания договора с Ираном по урегулированию вопросов его «ядерной программы», следствием чего стало подписание «Всеобъемлющего плана действий» (СВПД; июль 2015 г.) именно в Вене. Заметим, что помимо общей цели на подчеркивание своего миротворческого статуса и курса на ограничение вооружений австрийская дипломатия пыталась реализовать и более прагматичные задачи: с одной стороны, снять с повестки дня официальную причину для расширения Вашингтоном системы ПРО в Восточной Европе (в частности, в Румынии) и, как следствие, снизить напряжённость в отношениях РФ и США, особенно обострившуюся с 2014 г. С другой же стороны, официальная Вена стремилась обеспечить своеобразную «привязку» конкретных соглашений к продвигаемому ещё с середины 1990-х гг. Договору о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ; 1996 г.). Каким образом? Помимо расположения самой Организации ДВЗЯИ в Вене продвижение Договора тесно координировалось с уже упомянутой ЮНОДА. Соответственно, отмеченная взаимосвязь с СВПД (Иран является членом ДВЗЯИ с 1996 г.) обеспечивало связь институтов ООН, расположенных в Вене, в единую систему *на практике*, в которой австрийская дипломатия играла бы весьма существенную роль. С учётом последнего весьма логичным представляется и другая мирная инициатива – проведение Венской конференции по Сирии (2015) в перерывах между переговорами «Женева – 2» (2014) и «Женева – 3» (2016) в рамках «Международной группы поддержки Сирии» (МГПС). Несмотря на отсутствие решения по ключевому вопросу – определению порядка формирования будущего восстановления политической системы страны – к этим переговорам впервые привлекался Иран [8], ставший впоследствии одним из «столпов» «Астанинского формата» по Сирии. Очевидно, это привлечение официального Тегерана в том числе было и попыткой «закрепить» достигнутый успех СВПД.

Между тем, отмеченная инициатива имела и другое практическое достижение – запуск процесса согласования всеми участниками переговоров «общих противников» [9], с которыми необходимо бороться на территории Сирийской Республики, прежде всего признание запрещённой в РФ террористической организации ИГ и аффилированной с ней «Джебхат-ан-Нусра». Последнее отчётливо отражает и вторую цель, реализуемую Австрией через ООН – выработку универсального подхода к урегулированию конфликтов, которая, безусловно, позволила бы резко увеличить вероятность реального и компромиссного урегулирования конфликтов.

Применительно к ОБСЕ ключевым практическим инструментом реализации военно-политического курса стала «предсаммитная дипломатия» [10, с. 43-44], представлявшая собой предварительные конференции (Preview conferences) в австрийской столице в преддверии саммитов Организации. С учётом статуса ОБСЕ, которая в отличие от ООН, ведёт исключительно мониторинговые миссии, Австрия стала фокусироваться в ней на решении двух вопросов – закрепления соотношения сил (то есть недопущении «разбалансировки» миропорядка) и выработке, как и в случае ООН, универсального подхода к безопасности, но в теоретическом поле и с более конкретной региональной привязкой. Уже в ходе первой серии конференций в 1988 – 1990 гг. (в преддверии Парижского саммита СБСЕ 1990 г.) за счёт согласования самого понятия «обычных вооружений» и «фланговых показателей» была создана основа для Договора об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ, 1990) – главного ограничителя роста обычных вооружений стран Европы в 1990-х – начале 2010-х гг. В 1996 и 1999 гг. в аналогичных форматах перед «встречами в верхах» в Лиссабоне и Стамбуле соответственно происходила попытка принятия полноценной доктрины («белой книги») [11, р. 6] по военно-политическим вопросам, распространяющейся на территории всей Европы и выступающей таким образом региональной спецификацией положений Устава ООН.

Второй трек деятельности Австрии в рамках профильных международных структур по вопросам безопасности и обороны связан с непосредственным участием военнослужащих страны в урегулировании вооружённых конфликтов, реализуемое через инструменты ЕС и НАТО. В 1990-е гг. в связи с уже упомянутым процессом формирования ОВПБ ЕС основные усилия прикладывались к деятельности Североатлантического альянса. После вступления официальной Вены в программу «Партнёрство ради мира» (1995) и её расширенному варианту (1998) Австрия стала активно участвовать в военных мероприятиях НАТО, причём именно *зона пределами* её традиционной «зоны ответственности». Иными словами, Австрия не принимала масштабного участия в учениях в Европе, избегая тем самым дополнительных издержек и обязательств, но получала право на применение своих военнослужащих в других регионах мира. Так, уже в 1997 г. и 1999 г. Австрия стала полноценным участником разворнутых Альянсом военных миссий в Боснии и Герцеговине (Stabilization Force SFOR; 1996 - 2004) и Косово (Kosovo Forces KFOR; с 1999 г.) соответственно, а в 2001 г. австрийские офицеры были отправлены в Афганистан в рамках Международных сил содействия безопасности (МССБ/ISAF, 2001 – 2014). В процессе участия страны в указанных мероприятиях обращают на себя внимание две особенности. Во-первых, территориально было охвачено только два региона – Балканы и Средний Восток. Вместе с тем, учитывая численность задействованных австрийских солдат и офицеров – около 230 чел. [12, с. 256] и 490 чел. [13, с. 267] в балканских миссиях и только 2 офицера в Афганистане [14, с. 267] – становится очевидным, что австрийское руководство рассматривало Альянс исключительно как инструмент продвижения своих интересов

именно на Балканах, а афганское направление имело лишь символический характер солидарности, связанный с событиями 11 сентября 2001 г. Во-вторых, если в период миссии НАТО в БиГ численность австрийских военных снижалась (с 231 в 1997 г. до 10 чел. в 2003 г., то есть (!) в 23 раза), то в последний год (2004) это число возросло до 250 чел., превысив даже максимальный показатель 1997 г. В чём причина этого? Дело в том, что именно в 2004 г. миссия НАТО была заменена на первую в истории миссию EUFOR-Althea под эгидой ЕС. Как уже отмечалось выше, именно ЕС рассматривался австрийским руководством в качестве наиболее приоритетного механизма, и, когда представилась возможность поддержать реальное вовлечение Союза в урегулирование конфликта, Альпийская республика постаралась его максимально использовать. Кроме того, важное значение имел и фактор начавшейся в 2003 г. военной реформы «Бундесхеер – 2010», в рамках которой началось масштабное сокращение сил территориальной обороны и создание сил кризисного и быстрого реагирования, «заточенных» для боевых действий за пределами самой Австрии и ЕС. Соответственно, запущенная Евросоюзом миссия в Боснии стала первой возможностью «обкатать» новую модель военного строительства.

Одновременно Альпийская республика стала активно участвовать в военно-тренировочных миссиях ЕС, разворачиваемых в государствах Африки (Сомали, Мали, Мозамбик) с 2010 г. В чём интерес официальной Вены? Помимо вновь подчеркиваемого акцента именно на механизмы ОВПБ/ЕПБО ЕС Австрия подобно ФРГ получила возможность нарастить военное присутствие за пределами Европы без применения своих военнослужащих по *прямому назначению*, то есть участию в боевых столкновениях. Последнее позволило избежать потерь в личном составе и сколько-нибудь значимого вовлечения в конфликт и, при этом, с учётом направленности миссии на реформу сектора безопасности обеспечить долгосрочное присутствие в стране миссии.

Наиболее крупной из указанного типа мероприятий стала миссия в Мали (European Union Training Mission Mali/ EUTM Mali с 2013 г.), куда отправлялось от 7 до 38 человек [15, с. 451; 16, с. 478; 17, с. 461; 18, с. 366, 735; 19, с. 254; 20, с. 253; 21, с. 266; 22, с. 268]. Показательно, что наибольшая по темпам прироста задействованного личного состава динамика наблюдалась в годы наибольшего усиления в стране террористических элементов, связанных с запрещёнными в РФ «Аль-Каидой» и ИГ – 2016 и 2019 гг. При этом, в первом случае существенный рост (в 1,5 раза – до 15 чел.) дополнился и подключением страны к миссии ООН MINUSMA, что вновь подчеркнуло попытку страны «связать» деятельность разных международных структур друг с другом. Приведённый пример отчётливо показывает, что официальная Вена наращивает применяемые военные инструменты только в случае их реальной угрозы для ЕС.

Заключение

Таким образом, на протяжении 1990-х – начала 2020-х гг. Австрийская республика провела существенную перестройку модели применения своих военно-политических инструментов. Начав с пересмотра трактовок нейтрального статуса страны в пользу исключительно военных интерпретаций на рубеже 1980-1990-х гг., австрийской дипломатии удалось «привязать» этот процесс к вступлению и интеграции в ЕС. Отмеченная взаимосвязь обусловила формирование модели «дифференцированного нейтралитета», предполагающего существенное расширение доступных для официальной Вены военно-политических инструментов, включая даже применение бундесхеера за пределами национальных границ, а впоследствии и всего пространства ЕС.

Конкретное наполнение этот концепт получил в рамках деятельности в профильных

международных структурах. В рамках курса на создание образа страны-миротворца, Австрия, используя ООН и ОБСЕ, стала поддерживать и продвигать мирные инициативы в области контроля над вооружением и разоружением (особенно режим ДОВСЕ и ДВЗЯИ), что обеспечивало участие страны в создании правового поля в отмеченных сферах. Одновременно, располагая на своей территории институциональных подразделения этих организаций, австрийская сторона добивалась и контроля исполнения этих соглашений, а в случае с «предсаммитной дипломатией» в рамках ОБСЕ – даже влияния на переговорную повестку дня в сфере безопасности Европы.

Параллельно страна стала активно участвовать в военных миссиях Североатлантического альянса и ЕС. Концентрируясь в 1990-е гг. исключительно на постюгославском пространстве, Австрия в 2000-е гг. стала отправлять контингенты под эгидой этих организаций в Афганистан, а с 2010-х гг. – в страны Африки (Мали, Мозамбик). Вместе с тем, на фоне становления механизмов ОВПБ/ЕПБО ЕС, а также начала сокращения вооружённых сил страны в рамках реформы «Бундесхеер – 2010» акценты австрийской дипломатии существенно сместились в пользу ЕС, что выразилось в резком росте вовлеченности как в миссию ЕС в БиГ, так и уже упомянутой деятельности Союза в Африке. При этом, начатая в 2010-е гг. наиболее оптимальной моделью для военно-политического присутствия Альпийской республики в других государствах стала военно-тренировочная деятельность, позволяющая при тесной координации подхода с ФРГ избежать прямого применения своих военнослужащих, но за счёт вовлеченности в реформы сектора безопасности обеспечить долгосрочное присутствие.

Библиография

1. Ватлин А. Ю. Австрия в XX в. – Москва: Директ-Медиа, 2014.
2. Государственный Договор о восстановлении независимой и демократической Австрии (Вена, 15 мая 1955 г.), Статья 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2540499/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/>, дата обращения: 13.04.2024.
3. Кружков В.А. Нейтралитет Австрии: Становление. Практика. Перспективы. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022.
4. Швейцер В.Я. Политические проблемы современной Австрии = Political problems of modern Austria : [монография] / В.Я. Швейцер. – М.: Ин-т Европы РАН, 2022.
5. Sicherheits-und Verteidigungsdoktrin. Analyse-Teil: Expertenentwurf. – Wien: Bundesministerium für Landesverteidigung, 2001.
6. European Security Strategy, A Secure Europe in a Better World (Brussels, 12 December 2003). [Electronic version]. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/10/11/1df262f2-260c-486f-b414-dbf8dc112b6b/publishable_en.pdf, date of access: 25.03.2024.
7. Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран: [монография] / [В. Б. Белов и др.; отв. ред. В. Б. Белов]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. – М.: ИЕ РАН, издательство «Весь Мир», 2018.
8. Иран впервые приглашен к участию в международных переговорах по Сирии, 27.10.2015 // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20151027/1309133102.html>, дата обращения 18.04. 2024.
9. Заявление Международной группы поддержки Сирии, Вена, 14 ноября 2015 года // МИД РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1518769/, дата обращения: 20.03.2024.
10. Зеленов Д.А. Особенности использования Австрией инструментов ОБСЕ в

военнополитической сфере в постбиполярную эпоху // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 5. С. 42 – 46.

11. Review meeting report of the Chairman-in-Office to the Lisbon summit (including the Reports of the Rapporteurs of the Working Groups), 1996 // Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). [Electronic version]. URL:
<https://www.osce.org/files/f/documents/b/9/40956.pdf>, date of access: 18.03.2024.
12. Außenpolitischer Bericht 1997. Bericht des Bundesministers für auswärtige Angelegenheiten. – Wien: Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten, 1998.
13. Außenpolitischer Bericht 1999. Bericht der Bundesministerin für auswärtige Angelegenheiten.-Wien: Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten, 2000.
14. Außenpolitischer Bericht 2001. Bericht der Bundesministerin für auswärtige Angelegenheiten.-Wien: Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten, 2002.
15. Außen- und Europapolitischer Bericht 2013. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußeres – Wien: Bundesministers für Europa, Integration und Äußen 2014.
16. Außen- und Europapolitischer Bericht 2014. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußen. – Wien: Bundesministers für Europa, Integration und Äußen, 2015.
17. Außen- und Europapolitischer Bericht 2015. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußen. – Wien: Bundesministers für Europa, Integration und Äußen, 2016.
18. Außen- und Europapolitischer Bericht 2016-2017. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußen. – Wien: Bundesministerium für Europa, Integration und Äußen, 2017.
19. Außen- und Europapolitischer Bericht 2018. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußen. Wien: Bundesministerium für Europa, Integration und Äußen, 2019.
20. Außen- und Europapolitischer Bericht 2019. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußen. Wien: Bundesministerium für Europa, Integration und Äußen, 2020.
21. Außen- und Europapolitischer Bericht 2020. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußen. Wien: Bundesministerium für Europa, Integration und Äußen, 2021.
22. Außen- und Europapolitischer Bericht 2021. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußen. Wien: Bundesministerium für Europa, Integration und Äußen, 2022

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В настоящее время различные специалисты – политологи, социологи, философы, – констатируют происходящую на наших глазах трансформацию системы международных отношений, в рамках которой на смену монополярного мира во главе с США приходит мир многополярный, в котором ведущие позиции будет играть целый ряд акторов, в том числе Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. В этих условиях следует обратить внимание на те страны, которые уже не одно десятилетие определяют свой статус как «нейтралитет».

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование

статьи, предметом которой является военно-политического курс Австрии после окончания «холодной войны». Автор ставит своими задачами проанализировать перемены в реализации военно-политического курса Австрийской республики, рассмотреть деятельности Австрии в рамках профильных международных структур по вопросам безопасности, а также обозначить модель «дифференцированного нейтралитета».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать перестройку модели применения военно-политических инструментов Австрийской республики в конце XX – начале XXI в.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных материалов, в том числе на немецком языке, что определяется самой постановкой темы. Из используемых источников отметим, прежде всего, ежегодные отчеты МИД ФРГ. Среди привлекаемых автором исследований отметим труды А.Ю. Ватлина, В.А. Кружкова, В.Я. Швейцера, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения внешнеполитического курса Австрии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Австрийской республики, в целом, так и ее внешней политикой, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «начав с пересмотра трактовок нейтрального статуса страны в пользу исключительно военных интерпретаций на рубеже 1980-1990-х гг., австрийской дипломатии удалось «привязать» этот процесс к вступлению в интеграции в ЕС». Автор обращает внимание на то, что «в рамках курса на создание образа страны-миротворца, Австрия, используя ООН и ОБСЕ, стала поддерживать и продвигать мирные инициативы в области контроля над вооружением и разоружением (особенно режим ДОВСЕ и ДВЗЯИ), что обеспечивало участие страны в создании правового поля в отмеченных сферах». Автор приводит также обоснование нежелания вступления Вены в НАТО, например, «фактор негативного отношения населения к столь стремительному изменению принципов нейтрального курса страны».

Главным выводом статьи является то, что «наиболее оптимальной моделью для военно-политического присутствия Альпийской республики в других государствах стала военно-тренировочная деятельность, позволяющая при тесной координации подхода с ФРГ избежать прямого применения своих военнослужащих, но за счёт вовлеченности в реформы сектора безопасности обеспечить долгосрочное присутствие».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, насыщена фактическим материалом, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть

использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования внешнеполитических стратегий России.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Международные отношения».